

— После обеда собрание актива, — с досадой сказал Линь Чаошэн. — Неужели нельзя обсудить всё в чате? Нас же всего несколько человек.

Тао Чэньюй вдруг что-то вспомнил и разразился хохотом:

— Ха-ха-ха-ха-ха! Нелёгкая тебе досталась доля!

Дело было не в тяготах, а в том, что Линь Чаошэну некому было пожаловаться.

Актив их группы выбрали в тот самый вечер, когда закончилась военная подготовка.

Сначала никто не выходил. Классный руководитель, видя, что добровольцев нет, спросил:

— Что, никто? — Едва он договорил, как девушка с первого ряда, будто собрав всю свою храбрость, медленно поднялась со стула. И в тот же миг кто-то выкрикнул:

— Линь Чаошэн!

Девушка, уже собиравшаяся выйти, тут же замерла и уставилась на Линь Чаошэна с таким растерянным видом, словно говорила: «Если ты будешь баллотироваться, я не пойду».

Линь Чаошэну стало неловко до дрожи. Он нахмурился и сделал отмашку рукой, давая понять девушке, чтобы та шла.

Едва девушка поднялась на трибуну, как зал взорвался овациями. Закончив представляться, она снова утонула в долгих нескончаемых аплодисментах. Парни подбадривали особенно рьяно: стоило ей произнести пару фраз, как они принимались хлопать. В итоге, вся алая, она закончила предвыборную речь и спустилась в зал. Увидев, что Линь Чаошэн всё ещё сидит на месте, девушка участливо напомнила:

— Линь Чаошэн, а ты разве не выйдешь?

Лицо Линь Чаошэна оставалось каменным. Нет уж, спасибо. Прошу вас, продолжайте.

Несколько человек в зале, любители пошуметь, тоже принялись выкрикивать его имя. Тут и классный руководитель подал голос:

— Линь Чаошэн? Выходи же скорее!

Линь Чаошэна, словно цыплёнка на убой, вытолкали к трибуне. Но соревноваться с девушкой ему не хотелось, поэтому в графе «секретарь комсомольской организации» он написал своё имя. «Должность секретаря, наверное, попроще, чем старосты, — подумал он. — Меньше мороки». Как же он ошибался.

Остальные места живо разобрали девушки. Их как раз было шестеро, и они заняли все посты в активе. Парни только обрадовались, что не пришлось с ними соперничать.

Большинство технических специальностей не слишком-то благоволят к девушкам, особенно к тем, что связаны с цехами и мастерскими. Но когда дело доходит до общественной жизни, активнее всех оказываются именно они.

В речи каждой кандидатки прозвучала фраза: «Я состою в активе с начальной школы». Линь Чаошэн слушал и недоумевал. — Почему все раньше были активистами? — тихо спросил он у соседа.

— Ага, я в начальной школе даже звеньевым был, — тот удивился. — Разве ты не был?

Линь Чаошэн напряг память. — Нет.

— Не может быть! Хоть старостой группы?

— Кажется, и этого не было. — У Линь Чаошэна не всплывало никаких воспоминаний. Звучало странно, но опыта общественной работы у него и вправду не было.

После выборов для Линь Чаошэна не осталось ни одного спокойного дня. Он сполна хлебнул той самой «активистской» жизни, о которой раньше и понятия не имел. Хлебнул так, что аж тошнило. Почти каждый день приходилось принимать и передавать какие-то документы и сообщения. Никогда ещё он не заглядывал в мессенджеры так часто.

Со старостой они постоянно перебрасывались групповыми делами, скидывали друг другу файлы и материалы. Староста то и дело жаловалась: то кто-то вовремя отчёт не сдал, то кого-то наказали. А Линь Чаошэн что мог? Только молча слушать. Прошло больше месяца, и в чате у них новость откуда всплыл «корабль дружбы» — значок за самое активное общение. В тот же вечер староста опубликовала пост: «Первый, с кем у меня завёлся корабль дружбы [плачу со смеху] Линь Чаошэн», — и приложила мем с корабликом, который вот-вот перевернётся.

В комментариях одноклассники принялись подначивать, мол, «быть вам парой». Линь Чаошэн понимал, что это просто шутки, но всё равно испытывал лёгкое отторжение, хотя и промолчал.

Ему даже в голову приходила мысль взять академический отпуск и заново сдать вступительные.

Линь Чаошэн, будучи единственным парнем в активе, откровенно не хотел идти на это собрание. Он вспомнил прошлый раз: шесть девушек, один парень. Они сбились в кучу, оживлённо щебетали, а он стоял в стороне один-одинёшенек. Зрелище было душераздирающее.

Собрание назначили в аудитории на третьем этаже учебного корпуса. Подойдя к задней двери, Линь Чаошэн как раз уловил обрывок фразы:

— Эй, Цзяи, тебе что, нравится наш секретарь комсомольской организации?

Рука, уже потянувшаяся к двери, замерла. Он ничего не слышал.

— Что за чушь! — донёсся изнутри раздражённый голос старосты. — Технари мне не по душе, все как один — деревяшки.

— Да, и правда, парня в своём институте искать не стоит!

— В нашей группе разве что Линь Чаошэн ничего, но у него, кажется, уже есть девушка...

С чего бы это у меня девушка?

— А тот парень из параллельной группы тоже ничего, с первого взгляда похож на...

Что за аудитория такая, ни звука не держит? Бесит. Линь Чаошэн постоял снаружи, пока не услышал, как кто-то из соседней группы за первый месяц учёбы умудрился сменить двух парней, и лишь тогда осторожно вошёл.

У задней двери стояла ответственная за агитацию и держала телефон горизонтально, чтобы сделать фото.

На доске были выведены размашистые меловые буквы: «Второе собрание актива группы “Машиностроение” Института машиностроения». В правом нижнем углу помельче — номер группы и дата.

Ответственная за учёбу сидела за первой партой и что-то писала в развёрнутом блокноте. Остальные выстроились во втором ряду, выпрямив спины.

Линь Чаошэн опешил. — Что вы делаете?

— В институте требуют фотографию для отчёта, — ответственная за агитацию опустила телефон. — Просто кошмар.

— А в прошлый раз не фотографировали? — поинтересовался Линь Чаошэн.

— Фотографировали, но в институте сказали, что не по стандарту, и вернули.

Линь Чаошэн: ...

И какой, интересно, у этого «стандарта» может быть вид? Мел плохо ложился? Или композиция не выдержана?

— И где мне сесть, чтобы соответствовать «стандарту»?

Ответственная за агитацию фыркнула. — Секретарь комсомольской организации должен сидеть рядом со старостой.

Изобразив для фото необходимую серьёзность, все расслабились. Линь Чаошэн стёр доску, и компания собралась расходиться.

Девушки, болтая и смеясь, прошли по коридору и скрылись в правой лестничной клетке. Линь Чаошэну они показались излишне шумными, поэтому он отстал на несколько шагов и шёл позади всех.

Коридор был заставлен огромными стеклянными окнами. Из них открывался вид на учебный корпус Института астрономии напротив. Линь Чаошэн уставился на белый арочный купол на крыше того здания и вдруг вспомнил о Ли Чжи. Наверное, он сейчас на паре?

— Вау! Что это за здание? Крыша какая-то странная, — воскликнула ответственная за психологическую работу.

— Это обсерватория Института астрономии, — подхватила ответственная за агитацию. — Говорят, для посторонних вход туда закрыт. Как бы я хотела туда попасть!

— Тогда давайте спустимся по переходу, — предложила староста. — Заодно и в здание астрономии заглянем.

Переход между корпусами находился на четвёртом этаже, в самом левом крыле.

— Отлично! — остальные девушки оживились и дружно уставились на Линь Чаошэна.

Чего уставились? — Ступайте без меня, я пойду своей дорогой, — с лёгкой досадой произнёс

Линь Чаошэн.

— Да ну, чего ты, — запротестовала староста. — Времени полно. Если ты один не пойдёшь, будет выглядеть, будто мы тебя игнорируем.

— Точно, точно, — закивали остальные.

— Ладно, — сдался Линь Чаошэн. С девушками и вправду хлопот не оберёшься.

Перейдя по переходу и ступив в корпус Института астрономии, девушки ахнули:

— Как красиво!

Потолок здесь был тёмно-синим, усыпанным жёлтыми и тёмно-красными звёздами. Стены украшали красочные изображения туманностей и портреты астрономов. Повсюду стояли витрины с миниатюрными приборами и светящимися моделями планет.

— Смотри, звёздочки-наклейки тоже светятся! Надо поискать на «Таобао», хочу в общежитии такие же.

— До слёз завидую! Хочу перевестись, не могу больше в этом развалюхе сидеть! — возмутилась ответственная за агитацию. Корпус Института машиностроения был одним из старейших в университете, ему уже несколько десятилетий. Прямо напротив входа на стену было водружено огромное ржавое зубчатое колесо, а штукатурка в коридорах местами облупилась. Чёрт возьми, обидно! Мы же тоже студенты-естественники. Неужели машиностроители не заслужили капельки романтики? Она бросила взгляд на безучастного Линь Чаошэна, идущего сзади, и тут же утешила себя: ничего, зато в Институте машиностроения есть на кого посмотреть.

Линь Чаошэн оставался равнодушным к увиденному, потому что уже видел звёзды куда прекраснее.

<http://bllate.org/book/15953/1426519>